

- ³² La chanson de Roland et le roman de Roncevaux des XIIe et XIIIe siècles. Paris, 1869, 71 (куплет № CLXXII).
- ³³ См. также: The Compact Edition of the Oxford English Dictionary. Complete Text Reproduced Micrographically. I. Oxford, 1980, 1055 (англ. *brand* 'меч' зафиксировано с 1000 г. и характеризуется как поэтическое по своему употреблению, «хотя в нынешнем (XX) столетии писатели-романисты используют это слово в прозе как архаизм»); *Battaglia S.* Grande dizionario della lingua italiana, II. Torinese, 1962, 358.
- ³⁴ Опись Московской оружейной палаты, IV. 3. М., 1885, 75, 76.
- ³⁵ *Campbell A.* Old English Grammar. London, 1959, 51.
- ³⁶ *Арендт В. В.* Указ. соч., 341.
- ³⁷ Подчеркивая древность такого способа закаливания клинка, В. В. Арендт добавляет: «Прием этого рода использовался еще не так давно на Кавказе, о чем мне любезно сообщил Е. В. Крушнов, сделавший запись об этом во время экспедиции Ингушского научно-исследовательского института краеведения в Горную Ингушетию в 1929 г. в ауле Эрзи» — там же, 341.
- ³⁸ *Трубачев О. Н.* Языкование и этногенез славян. Славяне по данным этимологии и ономастики. — ВЯ, 1982, 5, 10—11.
- ³⁹ Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз Ф. А. и Ефрон И. А. XIX. СПб., 1896, 227—228; Военная энциклопедия. Под ред. Величко К. И. и др. XV. СПб., 1914, 283. Ср. характеристику кельтских мечей среднего и позднего латенского периода в кн.: *Neustupný E.* and *J. Czechoslovakia before the Slavs.* London, 1961, 148: «Оружие (кельтов. — *G. O.*) также было сделано из железа; прежде всего длинные обоюдоострые рубящие и колющие мечи, заключенные в ножны с декоративной оправой, и листовидные наконечники копий». (В разделе «Middle and Late La Tène: The Celts»).
- ⁴⁰ *Рабинович М. Г.* Вооружение новгородского войска. . . , 558.
- ⁴¹ *Тизанова М. А.* Кельтская проблема в современной археологии. — В кн.: Кельты и кельтские языки. М., 1974, 10—11.
- ⁴² *Трубачев О. Н.* Указ. соч., 10—11, со ссылкой на *Słownik starożytności słowiańskich I*, 228, и работу Третьякова П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953, 132—134. О перегнутых пополам мечах в восточнославянских могилах см. также: *Корзулина Г. Ф.* Из истории древнерусского оружия XI в. — СА XIII, 1950, 81—89; *Мерперт Н. Я.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем Средневековье. — СА XXIII, 1955, 131—143.
- ⁴³ *Трубачев О. Н.* Указ. соч., 10—11.
- ⁴⁴ *Whatmough J.* The Dialects of Ancient Gaul. Prolegomena and Records of the Dialects. Cambridge, 1970, 749, 967. — На эту работу любезно обратил внимание автора статьи В. П. Калыгин.
- ⁴⁵ *Holder A.* Alt-celtischer Sprachschatz. II. Graz, 1962, 583.
- ⁴⁶ *Szemerényi O.* Op. cit., 114 с литературой.

И. Г. Добродомов

ТРИ НЕВЫЯВЛЕННЫХ ТЮРКИЗМА РУССКОГО СЛОВАРЯ

(*тлюбяк, тюря, бандура*)

Ведущиеся с первой половины XVIII в. исследования по обнаружению тюркизмов русского языка, успешно начатые В. Н. Татищевым и продолженные в дальнейшем многими русистами и тюркологами вплоть до наших дней, получили суммированное отражение в «Словаре тюркизмов в русском языке» Е. Н. Шиповой (Алма-Ата, 1976, 444 с.). Однако материал, обобщенный в этом словаре, требует

уточнений и дополнений, поскольку отдельные тюркские по происхождению слова пока остаются не соотнесенными со своими оригиналами, ибо те древние языки южнорусских степей, из которых заимствовались многие тюркизмы (половецкий, печенежский и др.), нам известны весьма плохо. Это последнее обстоятельство затрудняет выявление отдельных тюркизмов, которые в качестве таковых в этимологических разысканиях пока не рассматриваются. В данных заметках высказаны соображения в пользу тюркского источника для двух слов и предположение о тюркском посредстве в заимствовании из аланского источника третьего слова с учетом и его более глубокой предыстории. Поскольку многие из заимствований имеют характер бродячих слов, широко распространенных в целом ряде языков внутри своеобразных регионов, для выяснения сложных путей миграции подобных слов приходится использовать материал многих языков, где эти бродячие слова представлены. В связи с этим третья заметка начинается с вопроса о чеченском названии музыкального инструмента *pondar* и лишь в конце касается восточнославянского (преимущественно украинского) музыкального термина *бандура* и его этимологических дублетов в русском языке.

Изучение по письменным источникам истории проэтимологизированных слов, составляющее особую задачу, решение которой пока еще слабо подготовлено, может внести известные уточнения в предлагаемую схему, которая опирается лишь на возможности внутренней реконструкции истории слова с учетом относительной хронологии явлений в фонетической истории слова.

тюбяк

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Р. Фасмера (Фасмер IV, 134) приведено темное, по мнению автора, казанское слово *тюбяк* 'влажный участок земли около леса, заросший сорняком' ¹.

Своей фонетической стороной (*тю-!*) слово ясно говорит о его иноязычном происхождении, что следует выяснять на основе языков соседних народов, но решение вопроса сразу же наталкивается на неполноту словарных данных, которыми может располагать исследователь.

Ничего не дает обращение к большому «Татарско-русскому словарю» 1966 г., где есть устаревшее слово *тебэк*, весьма подходящее фонетически для объяснения загадочного русского диалектизма *тюбяк*, но оно толкуется как 'район' или 'участок (деление судебных органов)', что не подходит для объяснения рус. *тюбяк*. При этом второе значение татар. *тебэк* оказывается не вполне ясным.

Мало помогает и «Диалектологический словарь татарского языка», где слово *тебэк* отмечено для говора уральских татар Пермской области, а также для бирского говора Башкирии в значении 'один конец деревни' и для мензелинского говора в значении 'чья-либо сторона' (в темниковском говоре ему соответствует диалектизм *йага* 'сторона') ².

Недавно вышедший третий том «Толкового словаря татарского языка» слово *тәбәк* трактует почему-то как два многозначных омонима:

тәбәк I 1) 'подземелье'; 2) 'часть республики, края, области или большого города; район'; // 'конец населенного пункта, улица'; 3) *разговорн.* 'центр страны, области, района и т. п. — город или большой населенный пункт'.

тәбәк II *диалектн.* 1) 'открытое место в лесу, поляна'; 2) *старин.* 'дно колыбели'³.

Слово имеет параллели в других тюркских языках: башкирск. *тәбәк* 1) 'излучина (реки)'; 2) *диалектн.* 'участок, район, место'⁴; *диал.* *тәбәк* 'поляна' (литер. *аклан*), 'окрестности'⁵; каракалп. *тубек* 1) 'горшочек, прикрепляемый к люльке ребенка, для стока мочи'; 2) переносно: 'глушь; отдаленный, глухой (о месте)'⁶. Есть подобные слова и в других тюркских языках.

В «Опыте словаря тюркских наречий» В. В. Радлова (т. III. СПб., 1905, 1599) из этого гнезда приведено лишь два казахских омонима: ¹*түбөк* 'маленький луг, полуостров (на реке)' и ²*түбөк* 'кошма, которую кладут в люльку', что сохранено и в двухтомном «Толковом словаре казахского языка», но подано в ином порядке: *тубек* I 'кошма, которую кладут в люльку ребенка' и *тубек* II 'полуостров'⁷.

Как видно из изложенного, недостаточная полнота старых тюркских словарей и неполнота их определений весьма существенным образом отражалась на этимологизации русского слова, которое удалось объяснить лишь на базе материала стремящегося к полноте «Толкового словаря татарского языка» как заимствование из татарского языка.

тюря

В последнем выпуске «Этимологического словаря русского языка» А. Г. Преображенского рассматривается слово *тюря* 'род хлебной крошки с водой или с квасом' с производными *тюрья* 'размоченный горячей водой с сахаром белый хлеб для детей'; *тюрить* 'крошить'; *втюрить* 'всыпать; вовлечь, втравить (особ. во что-л. неприятное)'; часто *втюриться* 'сильно влюбиться' и белорусским соответствием *цюрá* (Носович, 694). Этимологические соображения Преображенского остались неутешительными: «Неясно. По Н. В. Горяеву (Сл., 383), к *тереть*. Значение могло бы согласоваться, но в звуковом отношении затруднительно; от *тереть* было бы **тёря* (ср. *тёрка*) или **тора* (ср. *отбря* при молотье). К *тереть* у нас есть *тёрево* 'вынутая из-под терки свекловица' и обл. кстрм. *тетеря* 'тюря' . . .; *тюря*, *цюра* напоминает лит. *týras* или *týrė* 'каша'. Не заимствовано ли наше *тюря* из лит. (Относ. лит. *týras* и нашего *тёрево* ср.: P. Persson. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. Uppsala — Leipzig, 1912, 462 и д.) (Преображенский. Окончание, 34).

Нерешительные соображения Преображенского о балтийском происхождении русского слова *тюря* не могут быть приняты, поскольку долгое литовское *i* (орфограф. *y*) не могло быть передано как

русское *у* с предшествующей мягкостью (орфограф. *ю*)⁸. Кроме того, семантическое отождествление тюри с кашей также выглядит натяжкой.

М. Фасмер почему-то совсем не обратил внимания на балтийскую этимологию Преображенского, ошибочно приписав ему совсем другие, но тоже маловероятные сближения и указав на территориальную ограниченность слова нижегородскими и казанскими говорами со ссылкой на Даля (хотя у последнего слово дано без территориальных ограничений), а также на южновеликорусские говоры со ссылкой на РФВ. 75, 239: «Едва ли связано с *тереть* (Горяев, 383), но едва ли также родственно греч. *τύρος* м. 'сыр', др.-инд. *tīras*, авест. *tīiri* — ср. р. 'створожившееся молоко' вопреки Преображенскому (Труды I, 31)» (Vasmer III, 165, Фасмер IV, 137). Однако в указанном месте у Преображенского, как видим, содержалось совсем другое предположение.

Тем не менее в последнее время этимологические соображения о зависимости русского *тюря* от литовского *tūrė* 'каша' получили вне связи с именем Преображенского широкое распространение в лингвистической литературе⁹, и слово *тюря* стало рассматриваться без всяких оговорок в качестве литовского заимствования русского и белорусского языка.

Ю. А. Лаучюте, специально занимавшаяся сбором и выявлением (без особой, впрочем, дифференциации) балтийского вклада в славянские языки, к традиционному материалу добавила ряд новых данных: блр. *цурá* и диал. (копыльск.) *цюра*, а также рус. псков. *тюрэ* 'холодный суп из сухой рыбы, лука, хлеба, льняного масла', оставив их без объяснения, которое было бы особенно желательно по поводу несколько неясной белорусской литературной формы *цурá*. Псков. *тюрэ* можно было бы объяснить влиянием созвучного *пюрé*. Вырос у Ю. А. Лаучюте и материал балтийских языков: наряду с лит. *tūrė* привлечены лтш. *ķura* 'суп из корок хлеба', *ķuruls* 'еда из воды, хлеба и лука', хотя эти формы едва ли стоит ставить в один ряд из-за семантической несопоставимости литовских и латышских слов также при их значительном фонетическом различии. Заслуживают внимания сомнения в итоге: «Хотя большинство исследователей источником заимствования считает литовский язык, однако фонетически и семантически к славянским формам ближе слова латышского языка»¹⁰. Эти справедливые слова требуют уточнения в том плане, что латышские слова следует рассматривать как заимствование из русского (или белорусского), а лит. *tūrė* 'каш(иц)а' вообще сюда не относится ни семантически, ни фонетически, как это было показано раньше в комментариях к гипотезе А. Г. Преображенского.

Важно учесть также мнение Г. Ф. Вешторт о том, что белорусские названия для кушанья из хлеба, покрошенного в воду или квас с солью и маслом, типа *цурá*, *цюра* (наряду *мурцоўка*, *рулі*, *мочэ-(у)нки*, которые известны также и русским говорам) на основании данных лингвистической географии должны рассматриваться как заимствования из русского языка¹¹, хотя для русского *тюря* Веш-

торт принимает традиционное заблуждение о литовском происхождении русского слова.

Для определения этимологии слова *тюр* представляется важным учесть, что существенным компонентом соответствующего кушанья является **к р о ш е н ы й** хлеб.

В качестве первоисточника в этом случае гораздо лучше рассматривать тюркское название для крошки *түййүр* в стяженной форме типа **түйр*, аналогичное представленным в современных тюркских языках типа ногайск. *туыйир* 'крошка, крушинка' (и переносно: 'немного, ничтожно мало'), башк. *төйөр* 'комоч, комочек; желвак'), каракалп. *туйир* 'сгусток, комоч; содержание, сущность', казах. *түйір* 'крошка, крушинка'. Следует отметить, что в лексике казахских рыбаков Аральского и Каспийского морей слово *түйір* обозначает кушанье из рыбного отвара с крошеным хлебом и луком¹².

Тюркское кыпчакское существительное *түййүр* 'крошка, крушинка' представляет собой редкое отглагольное образование с суф. *-(й)р* от широко распространенного в тюркских языках глагола *түй-* со значением 'толочь, дробить, крошить, ломать, рубить (на мелкие части) и т. д.': казах., каракалп. *туй-*, ногайск. *туый-*, кумык. *тюй-*, узб. *туй-*, новобугур. *туғу*, татар., башк. *төй-*, азерб. *дөй-*, туркм. *дөв-*, тур. *döv-*, чуваш. *төв-* *түй-* и т. п. (Егоров, 264)¹³.

В заключение представляется необходимым еще раз подчеркнуть, что русское название крошева *тюр* генетически связано с тюркским **түйр* (из *түййүр*, *түйиүр*) 'крошка' > 'кушанье из крошеного хлеба с водой', что русское слово впоследствии проникло в латышский и белорусский языки и что к литовскому *tūrė* 'каша' оно никакого отношения не имеет. Здесь же можно поставить вопрос об отнесении сюда неясных русских диалектизмов: курск. и орл. *түхтя* 'просто-кваша с подболткой гречневой муки' (Даль² IV, 452), а также колым. *турүша* 'вид кушанья из рыбы' (Фасмер IV, 125 со ссылкой на Богораза), псков. *түбба*, *түпка* 'тюр, тюрка на квасу, окрошка' (Даль² IV, 450, 451). Для последнего следует также отметить параллель — блр. *цўпкі* 'еда из крошеного хлеба в молоке' (Бялькевич, 485).

Для Ю. А. Лаучюте осталась неизвестной попытка этимологизации рус. *тюр*, высказанная В. И. Абаевым в связи с осетинским названием жирного супа с мясом *turæ* (ирон.), *tura* (дигор.) (часто в сочетании *turæ bas*, где *bas* 'суп'): «Названия блюд легко переходят с одного на другое, и не следует удивляться, что в других языках это название применяется к молочному, а не мясному блюду: авест. *tūiri-* 'створожившееся молоко', греч. *τύρος* 'творог', 'сыр', *βούτιρον* 'коровье масло' / ./. Из североиранского идет, возможно, рус. *тюр* 'похлебка из воды с крошеным черным хлебом, часто на квасе и луком'. Груз. (рач.) *tiori* название блюда (сообщение Ш. Дзидзигури) примыкает к дигорскому. Не ясно, как относится сюда тюркская группа *toraq* и пр. (Räsänen, 490), рус. *творог*, венг. *túró* 'творог'» (Абаев III, 319). Соображения В. И. Абаева едва ли могут быть приняты, прежде всего, по причинам сематическим, а также

и по фонетическим — из-за невозможности без дополнительных фактов объяснить мягкость согласных в русском слове даже по образцу груз. диал. *tiori*, поскольку аналогии нам неизвестны.

бандура

Разбирая судьбу хатт. *zinar*, употребляющегося в составе сложных слов, обозначающих музыкальные инструменты, в связи с аккадским обозначением лиры *zannaru* (инструмент богини Иштар) и хетт. *ipri-zinar* 'небольшая лира', которые рассматриваются в качестве хаттских заимствований, Вяч. Вс. Иванов привлекает сюда ряд северокавказских лексем: «Хатт. *zinar* во второй половине сочетания может фонетически соответствовать о.-адг. **Рс^h'эпа* кабард. *пшынэ* 'гармоника' (с возможным падежным окончанием -*p*), абхаз. (а)-*пхъь-(рца)* 'скрипка': где, судя по убых. *t'aná* 'любой музыкальный инструмент' и общедагестанскому названию инструмента с начальным **šw-* (авар. *швантIuxx* 'свирель' и т. п.), начальный губной согласный (как и в родственном нахском слове: чечен. *пондар* 'горская балалайка') может быть древним префиксом, либо результатом позднейшего развития, вызванного ранней делабиализацией начального комплекса, в хаттском уже осуществившейся»¹⁴.

Не входя в анализ всего материала, где многое построено пока на соображениях *ad hoc* и нуждается в дополнительных аналогиях, которые пока еще не обнаружены, и не касаясь рискованности несколько поспешного подхода к названиям музыкальных инструментов в современных кавказских языках как к исконным лексемам, представляется необходимым решительно отделить от данного проблематичного ряда чеченское название горской балалайки *пондар*, поскольку оно явно входит совершенно в другой ряд миграционных (бродячих) терминов в связи с осетинским довольно универсальным названием музыкальных инструментов (скрипка, балалайка; гармоника, лира) *фæндыр* (дигор. *фæндур*). Осетинский термин получил хорошее этимологическое освещение В. И. Абаева: «Культурное слово, представляющее значительный исторический интерес. Свидетельствуется у греческих авторов со II в. н. э.: греч. *πανδοῦρα* 'трехструнный музыкальный инструмент, тип лютни' (Athenaeus), *πάνδορος* (Athenaeus), *φάνδορος* (Nicomachus Gerasenus. *Harmonicum Enchiridium* 4), *πανδοῦρον. πανδοῦρις* (Hesychius). Считают, что слово идет из Малой Азии из лидийского языка (de Lagarde. *Gesammelte Abhandlungen*, 1866, с. 274). Через греческий прошло и в некоторые европейские языки: лат. *pandura*, итал. *pandora, mandora* (откуда в дальнейшем итал. *mandolina*, франц. *mandoline*). На северо от Малой Азии область распространения слова охватывает Кавказ и южную Россию. Помимо осет. *fændyr*, ср. арм. *pandir*, груз. (диал.) *panduri*, сван. *pandvir*, туш. *pandur*, чечен. *pondur*, ингуш. *pondær*. Сюда же укр. *бандура*, польск. *bandura*. Для датировки бытования слова в осетинском существенное значение имеет начальный *f*. Закон перехода *p* → *f* перестал действовать в осетинском весьма давно; такие старые слова, как *padcax* 'царь', *pyl* 'слон', *paida* 'польза', и др., вошедшие

В осетинский через посредство кавказских языков, сохраняют *p*. Поэтому мало вероятно, что *fændyr* усвоено из кавказских языков. Вероятнее относить его еще к до-кавказскому, т. е. скифо-сарматскому периоду истории осетин, когда был в полной силе закон $p \rightarrow f$. Предполагаемое существование слова в скифском пролило бы свет и на укр. и пол. *бандуру*. Считать последнее слово усвоенным из итальянского (Миклошич, Бернекер) вряд ли основательно: где посредствующие звенья?» (Абаев I, 448). На основании материалов весьма обстоятельного «Глоссария лексики языков народов Северного Кавказа в русском языке», выпущенного ныне покойным И. Е. Гальченко в 1975 г. в Орджоникидзе, можно добавить, что эти преимущественно кавказские названия в русских текстах часто употребляются (в разных формах) при описании особенностей жизни и быта народов Северного Кавказа как своеобразные этнографизмы. Например, в связи с описанием реалий Чечено-Ингушетии встречается форма *пондар*:

Многие, *пондар*, тобой \bar{u} тепались,
Трогая звонкие струны твои. . .¹⁵

Реже употребляется форма *пондара*, которая возникла, скорее всего, под влиянием русского *бандура*, придавшего этнографизму грамматический женский род: «Ястреб превратился в красивого человека, сидящего на стуле с *пондарой* в руке. . .»¹⁶. В этнографической литературе встречаются также формы *пандыр* и *пандур* в качестве передачи местных названий для специфических горских музыкальных инструментов, что вызвано особенностями открытого гласного *o* в первом слоге чеченского слова.

Название аварского струнного музыкального инструмента *пандур* в русских текстах (оригинальных и переводных) употребляется чаще в форме, близкой к языку оригинала:

Замаячили несколько смутных фигур,
Разбредаясь из клуба попарно.
Простонал напоследок влюбленный *пандур*
Под рукою какого-то парня¹⁷.

Реже употребляется возникшая под влиянием грамматического женского рода у русского слова *бандура* псевдоаварская форма *пандура*:

А по ночам, по крышам с *пандурой*,
Как джинн, бродил ты, не боясь упасть. . .¹⁸

Менее удачна подмена аварской формы грузинской *пандури*¹⁹ (или их гибридизация): «Как-то под вечер в дом Умаани постучалась известная в ауле столетняя Нуцалай. В руках она держала большое *пандури*»²⁰.

Осетинское общее название для разных музыкальных инструментов *фændыр* (ирон.), *фændур* (дигорск.) в русские тексты чаще всего включается в форме *фандыр*, наиболее близкой к иронской, но встречается иногда и в несколько русифицированном облике *фандырь*²¹, что отстает от формы *фандыр*, которую употреблял

в своем этнографическом труде об осетинах (1894) Коста Хетагуров²².

Слово *бандура*, *bandura* как название специфического многострунного украинского музыкального инструмента известно в составе этнографической лексики почти всем современным славянским литературным языкам (укр., блр., рус., болг., с.-хорв., словац., чеш.), причем оно справедливо рассматривается как миграционный (бродячий) термин, однако его славянским первоисточником считается по неправильной традиции польск. *bandura*, которое, вопреки всем трудностям фонетического плана, выводится из итал. *pandura* (← лат. ← греч.).

В 1923 г. попытку уточнить этимологию для славянского слова *бандура* предпринял шведский лингвист Ханнес Шёльд, который высказал предположение, что на русскую (великорусскую, и особенно малорусскую, а также белорусскую) почву этот бродячий музыкальный термин принесен казачеством с Кавказа, где его первоисточником следовало бы, по мнению Х. Шёльда, считать груз. *пандури* с придыхательным начальным согласным *n-* (*ph-*)²³. Однако эти соображения не могут быть приняты, прежде всего, по фонетическим причинам: сам Х. Шёльд не смог привести ни одного случая, когда придыхательный глухой подменялся бы при заимствовании звонким согласным в плане субституции.

Вместе с тем, можно принять за основу общее направление поисков источника для славянских слов на Востоке. Здесь следует вспомнить нехарактерность глухого анлаутного *n-* и полное господство *b-* (или *m-*) для большинства тюркских языков. Особенно ярко эта черта проявляется в современном башкирском языке, где в заимствованиях начальный согласный *n-* регулярно заменяется звонким *b-* (или в диалектах оглушенным — *media lenis* — *b-*)²⁴. На основании ударения в восточнославянском слове *бандура* можно думать, что в основу его легла тюркская форма *бандур*, соотносимая не с греческим *παυδοβρα* (поскольку в таком случае в слове *бандура* мы имели бы ударение на последнем слоге), а с аланской формой типа дигорской *fændur*. Последнее весьма вероятно, поскольку для аланского языка Северного Причерноморья характерны черты, объединяющие его именно с дигорским наречием (западным и северным) осетинского языка²⁵. Конечный гласный в термине *бандура* легко объясняется как результат морфологической адаптации слова на славянской почве путем включения этого слова в число существительных женского рода, причем этот конечный гласный обычно не перетягивает на себя ударения²⁶.

Следует, однако, учесть, что заимствование украинским языком слова *бандура* имело место не из современных тюркских языков, которые такого слова совершенно не знают²⁷, а из старых языков, где сохранялась огубленность гласных первого слога при неогубленности вокализма первого слога. Судя по личному половецкому имени *Алтунопа*, зафиксированному в «Повести временных лет» под 1103 г., таким свойством вокализма первого слога после начального слога с неогубленным гласным обладал и половецкий язык

(ср. *алтун* 'золото' при *алтын* в подавляющем большинстве современных тюркских языков). В половецких документах XVI в. из Каменца-Подольского, написанных армянской графикой, уже отмечается колебание *алтун* *алтын*²⁸, что заставляет предполагать заимствование не позже этого времени. Кстати, в этих же документах встречаются и следы старого озвончения начального глухого согласного *п*- в славянских проникновениях в этот язык типа *базват*, *бозват*, *боставлені* наряду с более близкими к славянскому первоисточнику *позват*, *поставені*, *поставліну*. Следовательно, можно предполагать в качестве источника укр. *бандура* половецкий язык. С другой стороны, еще Х. Шёльд отмечал, что на славянской почве музыкальный термин *бандура* не может быть очень старым, поскольку в начальном слоге не образовался носовой гласный *о* (\rightarrow *у*), что было характерно для более старых заимствований (до X в.)²⁹.

Отсутствие слова *бандура* или его следов в современных тюркских языках и письменных памятниках тюркских народов, скорее всего, говорит о том, что это бродячее слово было ограничено распространено лишь исключительно в тюркских языках Северного Причерноморья, но впоследствии было утрачено и этими языками. Примеры бесследного исчезновения из тюркских языков отдельных слов при их сохранении в языках соседних народов довольно многочисленны. Можно ограничиться в качестве примера названием боевой лошади крымских татар *бахмат* (из сочетания *бақма* 'домашний, ухаживаемый' + *ат* 'лошадь'), которое было широко употребительно в Северном Причерноморье, даже засвидетельствовано С. Герберштейном (XVI в.) и Г. Бопланом (XVII в.) как татарское слово, но современным тюркским языкам оно совершенно неизвестно³⁰.

Как специфически украинский этнографический термин *бандура* устойчиво фигурирует в западноевропейских языках, вступая, впрочем, в разного рода контаминационные связи с другими обозначениями музыкальных инструментов разных народов³¹. Разные фонетические и словообразовательные формы этого слова у разных народов зачастую служат для наименования своеобразных местных музыкальных инструментов³², причем они обычно известны и на русской почве вместе с соответствующими инструментами. Кроме слова *бандура* следует в этом плане упомянуть *мандолина* (из франц. или нем.) — название, которое возникло на итальянской почве как уменьшительное от *mandola*, а последняя форма возникла в качестве неясного варианта к *randora* — рефлексу лат. *randura* (Dauzat, 454). В языке американских негров возникло из того же конечного источника название своеобразной гитары *банджо* (Dauzat, 72). Вероятно, сюда же относится латиноамериканский этнографизм *бандола* 'инструмент о десяти металлических струнах, употребляемый в Америке'³³.

Последний пример многократного этимологического дублирования одного и того же слова путем многократного заимствования из разных ближайших источников еще раз настоятельно требует тщательного учета истории всех этих слов на текстовом материале.

- 1 Эти данные восходят к статье С. К. Булича «Материалы для русского словаря» (Изв. ОРЯС I, 2, 1896, 330; с. 37 отдельного оттиска): «*Тюбьякъ или тюбьячная земля=заросшая сорной травой, влажная, около лесу. Каз. губ. Чистоп. у.» Звездочкой отмечены слова, ранее словарями не зафиксированные.
- 2 Татар теленең диалектология күзлегә. Казан, 1969, 159, 258, 441.
- 3 Татар теленең аңлатмалы күзлегә, т. III, Казан, 1981, 241.
- 4 Башкирско-русский словарь. М., 1958, 536.
- 5 Башкорт һейләштәренең күзлегә, II. том. Өфө, 1970, 255.
- 6 Каракалпакско-русский словарь. М., 1958, 659.
- 7 Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі, II том. Алматы, 1961, 379. В «Опыте словаря тюркских наречий» В. В. Радлова (т. III. СПб., 1905, 1271) также содержится ошибочно огласованная казахская форма *töböк* 'урыльник для детей-восходящая к «Сравнительному словарю турецко-татарских наречий» Л. З. Будагова: т. I. СПб., 1869, 384: «дж. кир *توبك* (*ö*) урыльник (употребляемый только для детей)».
- 8 Можно отметить, например, экспрессивную лабилизацию и в слове *утён* 'боль в спине' (тихвинск.) при более обычном *утын* (Фасмер IV, 177), но это исконное слово. Лабилизация *u* > *ü* в заимствовании при субституции, кажется, не имеет аналогий.
- 9 *Трубачев О. Н.* Из истории названий каш в славянских языках. — *Slavia*, XXIX, 1, 1960, 28; *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, 21; *Топоров В. Н.* Исследования по балтийской этимологии (1957—1961). — В кн.: Этимология. М., 1963, с. 260; *Urbutis V.* Dabartinės baltarusių kalbos lituanizmai. — *Baltistica*, V (2). Vilnius, 1969, p. 155; как дополнение см.: Фасмер IV, 137.
- 10 *Лаучюте Ю. А.* Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982, 57. Автор касался слова *тюря* и в других своих работах, указанных частично в библиографии на с. 156.
- 11 См.: *Беларуска-рускія ізалексы* (Матэрыялы для абмеркавання). Мінск, 1973, 17—18. Эти соображения у Ю. А. Лаучюте не учтены.
- 12 *Досқараев Ж.* Арал, Каспи балықшыларының тіліндегі профессионалдық лексиканың материалдары. — Вопросы истории и диалектологии казахского языка, вып. I. Алма-Ата, 1958, 132.
- 13 См. также: *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Обще-тюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». М., 1980, 270—272 (без учета образований с суфф. *-(ü) p*).
- 14 *Иванов Вяч. Вс.* К этимологии некоторых миграционных культурных терминов. — В кн.: Этимология. 1980. М., 1982, 160—161.
- 15 Поэты Советской Чечено-Ингушетии. Сб. стихов. Пятигорск, 1937, 128. Стихотворение «Пондар» А. Нажаева, пер. с чеченского.
- 16 Чечено-ингушский фольклор. М., 1940, 149.
- 17 *Гаирбекова М.* Слово горянки. Стихи и поэмы. Пер. с аварского. М., 1955, 69.
- 18 *Гамзат Цадаса.* Уроки жизни. Стихи. Пер. с аварского. М., 1968, 51.
- 19 Ср.: *Голетиани Г. Г.* Грузинская лексика в русском языке (Краткий тематический словарь). Тбилиси, 1972, 88. Ср. один из приведенных там примеров:

Седовлас, с пандури звонкой, в дом ликующий войдя,
Старец розами украсил дорогой портрет вождя.

(Л. Асатиани. Колхида).

- 20 *Магомедов М.* Тайна старой сакли. Пер. с аварского. М., 1969, 229.
- 21 Севернокавказские этнографизмы в примерах с некоторыми уточнениями приводятся по: *Гальченко И. Е.* Глоссарий лексики языков народов Северного Кавказа в русском языке. Орджоникидзе, 1975, 115, 116—117, с. 141; *Гальченко И. Е.* Лексика народов Северного Кавказа в русском языке. Орджоникидзе, 1976, 70—73.
- 22 *Хетагуров К.* Быт горных осетин. Этнографический очерк. Сталинир, 1939, 22.
- 23 *Sköld H.* Lehnwörterstudien. Lund—Leipzig, 1923, 22—24.
- 24 *Расянец М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков, М., 1955,

- 145—146; *Дмитриев Н. К.* Грамматика бапширского языка. М.—Л., 1948, 30—31.
- ²⁵ *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор, I. М.—Л., 1949, 259.
- ²⁶ *Добродомов И. Г.* Акцентологическая характеристика булгаризмов в славянских языках. — Советская тюркология, 1979, № 5, 15—16.
- ²⁷ Если не учитывать типичный украинизм *бандура*, отмечаемый, например, толковыми словарями туркменского, казахского и татарского языка, причем в толковом словаре татарского языка почему-то этот инструмент ошибочно именуется не только украинским, но и польским (?). В «Киргизско-русском словаре» К. К. Юдахина (М., 1965, 107) приводится встречающееся в эпосе название колокола китайской кумирни *бандулу*, едва ли имеющее сюда какое-либо отношение.
- ²⁸ Документы на половецком языке XVI в. М., 1957, 384.
- ²⁹ Ср.: *Думка Л.* Звідки пішла назва *бандура*. — Жовтень. Львів, 1965, № 1, 108. Высказываемое здесь предположение, что славяне знали бандуру «уже в ранню добу своєї історії», принято быть не может. С точки зрения языка-источника, важно обратить внимание на заимствование этого слова от турков в период их теснейшего симбиоза с аланами.
- ³⁰ См. подробнее: *Добродомов И. Г.* Из аланского пласта иранских заимствований чувашского языка. — Советская тюркология, 1980, № 2, 21—29.
- ³¹ На материале немецкого языка это показано в книге: *Опельбаум Е. В.* Восточнославянские лексические элементы в немецком языке. Киев, 1971, с. 40—41.
- ³² На основании наличия в Румынско-русском словаре (М., 1953, 80) лексемы *bandurâr* ‘бандурист’, можно предполагать и для румынского языка соответствующее название музыкального инструмента, хотя в указанном словаре оно и не приводится.
- ³³ Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1861, с. 68.

В. Н. ТОПОРОВ

ИЗ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ. III (1—3)

1—2. Балто-балкан. **kēt-*, **gaur-*

Относящиеся сюда слова не ограничиваются балтийским и балканским ареалами, хотя именно эти два ареала заслуживают особого внимания в связи с анализом обозначенных лексем. Дело не только в том, что балтийские (как и славянские) и балканские языки сохранили наибольшее количество соответствующих примеров (причем как раз из числа самых показательных), но и в том, что оба эти ареала обозначают пределы некоей зоны, соединяющей в меридиональном направлении Балтику с Средиземноморьем и характеризующейся, как было показано в ряде предшествующих работ, определенными этнолингвистическими и культурно-историческими связями уже с достаточно древней эпохи (ср., напр., исследования М. Гимбутас). Есть и еще одно основание вернуться к проблематике древних балто-балканских связей: анализ указанных лексем, относящихся, в частности, к обозначению ландшафта, позволяет заполнить языковыми фактами и промежуточное между юго-восточной Прибалтикой и Балканами пространство. При этом особо рельефно